

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.208-222

«КУЛЬТУРНЫЙ ПОВОРОТ» В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В 80-Е ГОДЫ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

А.О. Кисленко

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Начиная с 70-х годов XX в. «культурный поворот» затронул многие направления исторических исследований. Исключением не стала и возникшая в этот период в США история окружающей среды. Будучи под сильным влиянием интеллектуальной истории, указанное направление также в 90-е годы XX в. постепенно обратилось к изучению проблем в рамках «новой культурной истории». В зарубежной историографии упомянутый сдвиг отмечался неоднократно, однако о причинах, побудивших историков заняться обозначенными вопросами, написано очень мало. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел в историографии бесспорно актуального направления исторических исследований. Проанализированы ключевые работы американских историков с 70-х годов XX в. по 10-е годы XXI в., и сделан вывод о постепенном характере «культурного поворота» в американской историографии *environmental history*, в котором можно выделить два этапа: в течение первого (с 80-х до середины 90-х годов XX столетия) проблемы истории окружающей среды рассматривались с позиции постколониального и гендерного дискурсов, а второй (с середины 90-х годов XX в. по настоящее время) характеризовался переосмыслением концепта о «дикой природе» и обращением к целому спектру ранее не рассмотренных проблем истории окружающей среды.

Ключевые слова: история окружающей среды, интеллектуальная история, культурная история, культурный поворот, дикая природа, культурный ландшафт, гибридный ландшафт, экологическая справедливость

Введение

Начиная со знаменитой работы Родерика Нэша “Wilderness and the American Mind” и вплоть до 90-х годов XX в. в историографии истории окружающей среды в США наблюдался сильный историко-интеллектуальный уклон, проявлявшийся прежде всего в анализе идей и действий «глубинных экологов» XIX–XX вв. Однако в 90-х годах XX – начале XXI в. на страницах ведущего американского научного журнала по экологической истории *Environmental History* отмечалось снижение количества статей, посвященных биографиям экологов, и рост числа работ по вопросам истории окружающей среды в рамках «культурного поворота». Эта тенденция не осталась без внимания зарубежных исто-

риков окружающей среды, но оценивалась ими по-разному. Так, например, Ричард Д. Деверелл и Джон МакНилл полагали, что «новая культурная история» 90-х годов XX в. откроет новые горизонты и придаст истории окружающей среды новый импульс [1; 2, р. 17], а Пол Саттер, в противовес своим коллегам, считал, что обозначенная тенденция негативно отразится на направлении, поскольку историки постепенно «отворачиваются» от интеллектуальной истории [3, р. 596–597]. Но никто из американских исследователей не пишет о причинах, приведших к столь резкой смене ориентиров в среде экологических историков в начале 90-х годов XX в. Французский ученый Фабиан Лошер полагает, что «путь для культурного поворота в истории окружающей среды» [4, р. 7] открыли дебаты в американской историографии после выхода в 1996 г. статьи Уильяма Кронона о необходимости пересмотра основополагающего для историко-интеллектуального направления экологической истории концепта «дикой природы». Однако остается неясным, что послужило предпосылками этого «культурного поворота» и как подходы «новой культурной истории» повлияли на исследовательское направление в целом. Поиску ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Хронологическими рамками исследования является период с 80-х годов XX столетия до начала XXI в. Под американской историографией в статье прежде всего подразумеваются исследования, посвященные проблемам истории окружающей среды США. Основными источниками работы стали научные статьи, монографии американских историков окружающей среды и исторических географов. Особый интерес представляют публикации журнала *Environmental History*, издаваемого американским обществом экологической истории. Тематика статей, менявшаяся от десятилетия к десятилетию, позволяет выявить проблемы научных исследований, актуальные для ученых как в 80-х, так и в 90-х годах XX в. и в начале XXI столетия. Для достижения поставленной цели применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы историографического исследования. Суть первого заключается в последовательном изучении влияния «культурного поворота» в американской историографии экологической истории от момента его возникновения до повсеместного распространения в исследовательской практике. Второй состоит в сравнении проблематики исследований в разные хронологические периоды.

Говоря об «интеллектуальной истории», «культур(аль)ной истории» и «культурном повороте», необходимо уточнить значение этих терминов в настоящей работе.

Под «интеллектуальной историей» мы подразумеваем традиционное для американской историографии направление исторических исследований, рассматривающее развитие и распространение идей и концепций как в трудах отдельных ученых, так и в обществе в целом. Подходы этого направления стали основой для зарождавшейся в конце 60-х годов XX в. истории окружающей среды.

Однако впоследствии методология истории окружающей среды, подобно другим направлениям исторических исследований, претерпела существенное изменение под влиянием «культурного поворота», проявившегося в *environmental history* в постепенном смещении исследовательских интересов к историко-культурным аспектам – от биографий «глубинных экологов» в сторону рассмотрения вопросов, связанных с восприятием «дикой природы» различными социальными

ми группами, ролью общества в преобразовании природных ландшафтов, влиянием повседневных практик на окружающую среду, вопросами экологической справедливости и этики.

Как исследовательское направление культур(аль)ная история акцентирует внимание на повседневной жизни людей во всех ее проявлениях, от элементарных потребностей до ценностных смыслов тех или иных культурных объектов или обрядов. Поэтому в ее рамках на первое место выходит изучение не только политических и социально-экономических процессов, но и мира повседневной жизни людей, ментальных трансформаций [5, с. 301].

В рамках вышеупомянутых направлений исторической науки закономерен вопрос о том, где проходит параллель между подходами интеллектуальной и культурной истории. Одной из распространенных точек зрения считается позиция, согласно которой интеллектуальная история стала «частью» культурной истории. Однако, думается, для истории окружающей среды весьма справедлива точка зрения Л.П. Репиной о формировании новой культурно-интеллектуальной истории, представляющей собой сочетание истории интеллектуальной жизни, истории ментальностей и истории ценностных ориентаций. «Эта триада идей, стереотипов и ценностей позволяет охватить динамику исторического развития духовной сферы как на макросоциальном уровне, так и на уровне индивида (включая исторический анализ творческого наследия того или иного мыслителя, ученого, писателя, историка) или микрогруппы», – отмечает Л.П. Репина [6, с. 5].

Предпосылки «культурного поворота» в экологической истории

В некотором смысле «Культурный поворот» в американской историографии истории окружающей среды начался не в 1996 г. после публикации статьи У. Кронона о проблемах «дикой природы», как утверждал Ф. Лошер, а еще в 80-е годы XX в. Его истоки необходимо искать в исследованиях, посвященных изучению взаимодействия с природной средой индейских племен Северной Америки, а также особенностям женского взгляда на природу. Постколониализм и феминизм оказали на культуральную историю серьезное влияние и зачастую включались в ее исследовательские рамки [7, с. 77–78]. Как известно, автор «Ориентализма» Э. Саид призвал относиться к странам Востока «без зашоренности, враждебности или снисходительности» [7, с. 78], а к историческим процессам – с позиции стран третьего мира. Феминизм же предложил историкам смотреть на исторические процессы женским взглядом. Упомянутые направления стали первым этапом «культурного поворота» в американской историографии окружающей среды, который сохранял свою актуальность с начала 80-х до середины 90-х годов XX столетия.

Однако обращение к постколониальному дискурсу в рамках *environmental history* было вызвано и другим фактором – развитием американской исторической географии, также испытавшей сильное влияние «культурного поворота» в рамках культурной географии. Мнение Джона МакНилла, полагавшего, что слабое развитие исторической географии в США повлияло на появление истории окружающей среды [2, р. 9], представляется неверным. Ведь как минимум одна из научных школ американской культурной географии оказала колоссальное влияние на развитие *environmental history* – это школа Калифорнийского университета в Беркли. Так, представителя этой школы – Клоурэнса Глэнена –

современные историки называют «пионером истории окружающей среды» за монументальное исследование «Следы родосской тропы», в котором ученый рассмотрел интеллектуальную историю взаимоотношений между человеком, культурой и природой вплоть до XVIII столетия [8, р. 245]. На *environmental history* повлиял также другой представитель «школы Беркли» – это Карл Ортвин Зауэр, являвшийся основоположником культурной географии. Свою концепцию он представил в ключевой статье «Морфология ландшафта» (“The Morphology of Landscapes”). Он первым ввел в научный оборот понятие «культурный ландшафт», под которым подразумевал совокупность проекций различных культур на природный ландшафт определенной местности. Как отмечал ученый, «культура – это агент, природная территория – среда, культурный ландшафт – результат»¹ [9, р. 343]. К.О. Зауэр был убежден в том, что «широкий спектр физических свойств местности открывает множество возможностей для деятельности человека» [9, р. 343].

Помимо изучения культурных ландшафтов, исследователь обращался и к изучению истории колонизации Северной и Южной Америки европейцами, исследованию культуры их коренных жителей и, в особенности, влияния колонистов на жизнь индейцев. В работах «Ранняя испанская империя» и «Северная Америка XVI века: земля и люди в представлении европейцев» К.О. Зауэр одним из первых акцентирует внимание на катастрофическом воздействии болезней, завезенных европейцами, на население континентов. Он считал, что «Новая Испания поддерживала империю, и это приносило много горя местному населению» [10, р. 245]. Описывая произраставшие в Карибском бассейне растения, обитавших там животных, географические условия, в которых проживали туземцы, К.О. Зауэр, думается, использовал, по сути, методы исторической географии.

В дальнейшем идеи К.О. Зауэра нашли отражение в работах одного из отцов истории окружающей среды (по выражению Дональда Ворстера) – Альфреда Ворчестера Кросби. В «Колумбийском обмене», опубликованном в 1972 г., ученый, с одной стороны, отмечал позитивное воздействие обмена культивируемыми растениями на демографию Старого и Нового Света, но, с другой стороны, соглашался с мнением К.О. Зауэра о негативном влиянии возбудителей инфекций, завезенных из Европы, на коренное население Северной и Южной Америки (см. [11]). Несмотря на то, что работа А.В. Кросби была опубликована в один год со статьей Родерика Нэша, в которой тот ввел в научный оборот понятие “*environmental history*” (см. [12]), до середины 80-х годов XX в. американская историография истории окружающей среды не проявляла особого интереса к проблемам взаимоотношений между индейцами Америки, колонистами и природой. Лишь в 1985 г. вышел летний специальный выпуск журнала *Environmental History Review* (одно из старых названий нынешнего *Environmental History*), посвященный американским индейцам. Во вступительной статье к нему Ричард Уайт отметил важность исследования взаимоотношений между индейцами, властями США и природой. Особое внимание ученый уделил распространенному в то время мнению о том, что жизнь индейцев представляла собой пример идеальных

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. – А. К.

сбалансированных отношений между человеком и дикой природой с минимальным антропогенным воздействием на нее. Ричард Уайт заметил, что отчасти цель выпуска заключалась в опровержении этого идеалистичного образа индейцев, поскольку последние тоже вносили свою лепту в изменение окружающей среды [13, р. 101]. Очевидно, проблема поиска идеальных отношений с природой волновала и исследователей, занимавшихся гендерной историей, поскольку годом ранее был опубликован специальный выпуск того же журнала «Женщины и история окружающей среды» (“Special Issue: Women and Environmental History”), посвященный восприятию женщинами дикой природы. В статье Веры Норвуд рассказывалось о четырех «женщинах-героинях» природы и их рефлексиях по поводу американского пейзажа (см. [14]). Думается, эта статья была написана в духе ранних работ по истории окружающей среды, рассматривавших жизнь и деятельность «глубинных» экологов Джона Мьюира, Джорджа Перкинса Маршалла и т. д.

Таким образом, первый этап «культурного поворота» в американской историографии истории окружающей среды, безусловно, характеризовался отходом от изучения биографий и взглядов отдельных личностей в сторону исследования сообществ, которые ранее официальной историографией не рассматривались. Но в то же время на этом этапе все еще прослеживалась тесная связь со ставшим традиционным для американской истории окружающей среды концептом сохранения «дикой природы», не тронутой человеком; продолжался поиск способов идеального сосуществования человека и природы, что выражалось в изучении отношения к природе индейских сообществ или восприятия ее женщинами.

Статья У. Кронона и дебаты о концепте «дикой природы»

Описанное выше положение дел в американской историографии сохранялось до середины 90-х годов XX в. Однако уже на первом этапе «культурного поворота», как было отмечено ранее, учеными высказываются сомнения в существовании идеальных взаимоотношений индейцев или женщин с дикой природой. Постепенно среди американских исследователей истории окружающей среды нарастало разочарование, поскольку прежние представления о дикой, не тронутой человеком природе оказывались иллюзией: подобно европейским колонистам, коренные жители Северной и Южной Америки также участвовали в преобразовании природного ландшафта. Выразителем этих настроений стал Уильям Кронон, автор одной из самых известных работ по городской истории окружающей среды «Метрополис природы: Чикаго и дикий Запад». В январском номере журнала *Environmental History* за 1996 г. он опубликовал статью, ставшую отправной точкой в этом исследовательском направлении, – «Проблема с дикой природой, или возвращение к неправильной природе» (“The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature”). В ней наиболее явно представлено влияние идей Карла Ортвина Зауэра и научной «школы Беркли» на взгляды ученого, с одной стороны, и работ Альфреда Кросби в духе постколониального дискурса – с другой. Эта статья У. Кронона знаменовала собой начало второго этапа «культурного поворота» в истории окружающей среды.

В статье Уильям Кронон поднимает провокационный вопрос: действительно ли дикая природа – это «первозданный храм, в котором можно еще хотя бы ка-

кое-то время созерцать то, что осталось от нетронутой, вымирающей, но трансцендентной природы, не загрязненной цивилизацией»? [15, р. 7]. Исследователь отмечает, что в XIX столетии как у Джона Мьюира, так и у многих американцев, разделявших его взгляды, кардинально изменилось отношение к дикой природе: если раньше она ассоциировалась с «домом Сатаны», то теперь она внезапно стала «Божьим храмом». В качестве причин этой метаморфозы У. Кронон выделяет два культурных концепта, которые он определил как «возвышенную дикуую природу» и «фронтир».

Первый, с точки зрения автора, является «более древней и распространенной культурной конструкцией» и «проявлением романтизма» [15, р. 9–10]. Сакрализация «возвышенной дикой природы» берет свое начало в те времена, когда дикая местность являлась средоточием опасности и хаоса. «Если в этом месте пребывал Сатана, то там был и Христос, который во время искушений в пустыне встречал как ангелов, так и диких зверей», – отмечает У. Кронон, приводя пример романтического отношения к дикой природе [15, р. 9–10]. Подобное отношение к ней наблюдается как у философов XVIII в., так и у американских «глубинных экологов» XIX столетия.

«Фронтирная» концепция историка Фредерика Джексона Тернера, по мнению У. Кронона, является не менее важной конструкцией, сформировавшей идею о дикой природе. Изложив суть теории, последний отмечает, что, когда расширение на восток завершилось, «охрана дикой природы в прямом смысле слова означала защиту самого священного мифа о происхождении нации», поскольку именно территории, не тронутые человеческим влиянием, являлись местом, где люди, подобно переселенцам из концепции Ф. Тернера, могли преобразиться. [15, р. 13]. «Фронтир мог исчезнуть, но опыт фронта все еще можно было получить, сохранив дикуую природу», – отмечается в статье [15, р. 15]. Рост популярности туристических путешествий по горам и рекам среди американской элиты после Гражданской войны, по мнению У. Кронона, приводит к тому, что дикая природа стала для многих «весьма привлекательной естественной альтернативой уродливой искусственности цивилизации» [15, р. 15].

Подводя итог исследованиям американских историков окружающей среды 60–90-х годов XX в., У. Кронон утверждает, что все совокупное знание об истории окружающей среды свидетельствует о том, что «люди манипулировали миром природы в различных масштабах во все времена, о которых у нас есть письменные свидетельства их деятельности» [15, р. 12]. У. Кронон, не без влияния, думается, А.В. Кросби и К.О. Зауэра, акцентирует внимание и на последствиях движения по созданию национальных парков и зон дикой природы для судьбы индейского населения. «Миф о дикой природе как о “девственной”, необитаемой земле всегда был особенно жестоким по отношению к индейцам, которые когда-то называли эти земли своим домом», – отмечает ученый [15, р. 15]. Это еще один довод историка в пользу утверждения о том, что «дикая природа» является культурным конструктом.

Весьма интересен взгляд У. Кронона и на другую сторону проблем исследования окружающей среды, осуществляемого американскими историками. Ученый сетует, что центральным вопросом этого исследовательского направления зачастую является сохранение дикой природы, в то время как экологические проблемы, от которых страдают сами люди, остаются вне поля зрения ученых.

«Это, по-видимому, исключает из повестки дня радикальных экологических активистов проблемы гигиены и безопасности труда на промышленных предприятиях, а также воздействия токсичных отходов на “неестественных” городских и сельскохозяйственных территориях ... – короче говоря, проблемы экологической справедливости», – пишет У. Кронон [15, р. 20].

В заключении статьи автор призывает перестать разделять мир на «человеческое и нечеловеческое, неестественное и естественное, падшее и непадшее», взамен предлагая «охватить весь континуум природного ландшафта, также являющегося культурным, в котором город, пригород, сельская местность и дикая природа занимают свои ниши» [15, р. 24].

Бесспорно, влияние упомянутой работы У. Кронона на последующее развитие научного направления *environmental history* было колоссальным. Достаточно сказать, что в том же номере журнала статья подверглась критике со стороны апологетов истории окружающей среды. За всю историю *Environmental History* не было случая, когда вышедшая статья была бы сразу же раскритикована другими исследователями в том же номере. Это исключительное явление говорит о том, что статья действительно вызвала серьезный резонанс в научном сообществе и стала началом «культурного поворота» в истории окружающей среды.

Почему же статья У. Кронона «Проблема с дикой природой, или возвращение к неправильной природе» привлекла столь пристальное внимание американских исследователей истории окружающей среды? Ответ на этот вопрос дают отчасти как сами критики, так и У. Кронон в своем ответе на их замечания.

Майкл Коуэн, солидарный с У. Крононом в некоторых вопросах (в критической заметке он выделяет их восемь), тем не менее не согласился с некоторыми выводами последнего. М. Коуэн указывает на то, что «дикая местность» – многозначный термин, который одновременно является «существительным или прилагательным», «образом, или иконой», «идеологией» «репрезентацией» в литературной или политической риторике, «законом» (если речь идет о нормативно-правовых актах, таких как, например, закон о дикой природе 1964 г.). Рассматривая функционирование концепта «дикой природы» в науке и практике, критик отмечает, что историки и сторонники дикой природы, соотнося безрезультатные попытки защиты ее правового обозначения на судебных слушаниях и разрушение традиционных представлений о дикой природе на академических собраниях, «уверены, что эти две ситуации взаимосвязаны, и испытывают искушение заявить, что именно вторая из них вызвала первую». Исследователь констатирует, что в случае отказа от дихотомии «природа/культура» им придется «оставить в прошлом сложившуюся традицию дискурса и перестраиваться с нуля» [16, р. 35]. Ученый убежден, что «когда кто-то говорит, что что-то нужно переосмыслить, ...он еще не приступил к работе», и, таким образом, не соглашается с У. Крононом, считающим, что нужно провести переоценку концепта «дикой природы» [16, р. 38].

Т.Р. Данлэп, соглашаясь со многими аргументами У. Кронона относительно того, что многие ученые и активисты «продолжают разделять людей и природу непреодолимой преградой, на что жалуется Кронон», изучая природу «отдельно от человеческой жизни и опыта», пренебрегая «вопросами созданной среды», указывает, что, действительно, «экологическое движение долгое время не обра-

щало внимание на людей, которые больше всего пострадали от индустриальной экономики» [17, р. 45]. Но в то же время ученый считает, что У. Кронон «слишком похож на крайнего антиэколога». «Признать его правоту в той или иной степени – значит открыть ворота врагу», – пишет Т.Р. Данлэп. [17, р. 43].

Сильной критике статья У. Кронона подверглась со стороны С. Хэйса – одного из известных американских исследователей истории окружающей среды, который (как М. Коуэн и Т.Р. Данлэп) не соглашается с тезисом У. Кронона об «элитном» происхождении защитников окружающей среды, отмечая, что «на самом деле сохранением дикой природы занимается преимущественно средний класс» [18, р. 30]. С. Хэйс считает, что историк «борется с тем представлением о дикой природе, которое продвигают в своих работах лишь несколько человек, а не те, кто на самом деле занимается проблемами дикой природы». В качестве аргумента С. Хэйс приводит личный опыт участия в экологическом движении в 70-х годах XX в. и представления планов по защите диких территорий в Конгресс, при этом не упоминая ни Родерика Нэша, ни «глубинных» экологов XIX столетия. Отсюда С. Хэйс делает вывод о том, что У. Кронон «не следил за теми, кто активно участвовал в движении» [18, р. 29]. С. Хэйс указывает на то, что целью защитников дикой природы является не сохранение ее «первозданного» состояния, а спасение от застройки (это девиз почти всех экологических программ) [18, р. 30]. Ученый акцентирует внимание на том, что, вопреки тезису У. Кронона об отсутствии действий по решению реальных экологических проблем, существуют группы ученых, которые занимаются разными аспектами защиты окружающей среды, в том числе и проблемами загрязнения городской среды, и что все они «действуют так, как будто они являются частью одного целого» [18, р. 31].

В ответном эссе У. Кронон объясняет, почему его статья могла стать объектом столь серьезной критики. Эта работа, как он отмечает, была написана «летом 1994 г., до того как в ноябре этого же года прошли выборы, в результате которых у власти оказался Конгресс с самими антиэкологическими взглядами за всю историю США» [19, р. 47]. Думается, именно политический фактор стал причиной резкой критики статьи исследователями истории окружающей среды, поскольку весьма важной составляющей электората республиканцев, победивших на этих выборах, являлись сторонники экологической справедливости, нового урбанизма, решения первостепенных экологических проблем загрязнения городов, а также пересмотра правовой базы охраны дикой природы. В статье У. Кронона были подняты вопросы экологической справедливости, пересмотра отношения к термину «дикая природа» – это заставило критиков предположить, что его работа следует актуальной на тот момент в США политической конъюнктуре. Понимая это, автор отмечает, что целью его статьи не является помощь «враждебным силам»: наоборот, он испытал бы «глубокое сожаление», если бы его слова были «использованы в таких целях» [19, р. 47]. Но также он не считает, что «очевидный триумф тех, кто выступает против защиты окружающей среды, освобождает экологов от необходимости самокритики» [19, р. 47–48].

Особое внимание исследователь уделяет ответу на замечания С. Хэйса. Во-первых, У. Кронон не соглашается с тезисом историка о том, что он не учитывал экологические движения, отмечая, что помимо занятия профессио-

нальной деятельностью он является членом Национального совета Общества дикой природы и многие его аргументы в эссе проистекают из переоценки ценностей и убеждений, разделяемых многими участниками различных экологических движений [19, р. 48]. Во-вторых, отвечая на обвинение С. Хэйса в том, что он борется с идеей дикой природы, существовавшей только в умах отдельных писателей, У. Кронон указывает, что главной причиной жесткой критики его статьи С. Хэйсом являются разные представления о том, что «считается настоящей историей», отмечая нетерпимость последнего к «культурной и интеллектуальной истории» [19, р. 48–49]. По мнению У. Кронона, нельзя недооценивать влияние идей Д. Торо, А. Леопольда, Д. Мьюира на формирование экологических движений. «Не увидеть связи между политической практикой экологического активизма и более поздними, сложными культурными течениями романтизма – значит пропустить больше половины истории и оставить без внимания некоторые из ключевых двигателей этого исторического процесса», – отмечает ученый [19, р. 49]. Завершая разбор замечаний С. Хэйса, У. Кронон одним из главных посылов своей работы называет необходимость для историков обращать внимание на то, «как их работа связана с миром, в котором они живут», а также тот факт, что хотя бы иногда им надо спускаться «со своей башни из слоновой кости к обычным людям и их насущным проблемам» [19, р. 50].

Распространение культурных подходов в экологической истории

Следствием упомянутой выше статьи У. Кронона, а также ряда других статей, опубликованных в книге “Uncommon Ground: Toward Reinventing Nature”² под его редакцией (ее он тоже отметил в эссе, посвященном ответу на критику его статьи) стало постепенное распространение, а затем и доминирование культурного подхода в истории окружающей среды, хотя работы, выполненные в традиции прежнего историко-интеллектуального направления, продолжают публиковаться и сейчас (например, это книга Д. Ворстера, посвященная жизни Д. Мьюира (см. [20])). А синтез подходов, отмеченный Л.П. Репиной в качестве особенности новой культурно-интеллектуальной истории, наиболее характерен для ситуации, сложившейся в американской историографии истории окружающей среды после 90-х годов XX столетия.

Как же применяются историко-культурные подходы в истории окружающей среды? Их использование, с одной стороны, направлено на изучение процессов постоянного преобразования человеком природы – ее приспособления под нужды человека, создания различных рекреационных зон (таких как, например, национальные парки), гибридных ландшафтов; рассмотрение в рамках городской истории окружающей среды повседневных практик обращения с бытовыми и естественными отходами. С другой стороны, обозначенные подходы подразумевают применение инструментов дискурсивного анализа (гендерный и постколониальный дискурс) при изучении различий культурных практик и менталитета в сфере отношения к природе у мужчин

² В последующих переизданиях название книги изменено на “Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature”.

и женщин, европейских колонистов и коренных жителей Америки. Следовательно, можно выделить следующий круг проблем истории окружающей среды, которые рассматриваются в рамках культурного подхода: история окружающей среды и постколониальный дискурс, история окружающей среды и гендерный дискурс, исследование гибридных ландшафтов, история окружающей среды в контексте микроистории, повседневные культурные практики и *environmental history*.

В журнале *Environmental History* с начала 90-х годов XX в. все большее внимание уделяется вопросам, связанным с развитием и изменением культурных, экологических и гибридных ландшафтов. Суть исследования последних объясняет Ричард Уайт: изучаются вопросы, связанные с более глубоким и разнообразным влиянием человеческой деятельности на местность, ранее относимой учеными к дикой природе. За примерами Ричард Уайт обращается к многочисленным работам историков окружающей среды. Так, он ссылается на исследование Джозефа Тейлора, посвященное установке инкубаторов лосося на р. Колорадо, изменению ландшафта в ее водосборном бассейне и их влиянию на динамику популяции считавшегося слабо затронутым человеком дикого лосося. Другой пример Р. Уайт находит в книге Уильямса Дебуи «Солёные мечты», посвященной истории искусственного (вследствие действий ирригационной компании и непредвиденных паводков на р. Колорадо) водоема Солтон в Калифорнийской пустыне, являющегося крупнейшим озером штата Калифорния. Будучи искусственным, оно тем не менее «было по своим характеристикам таким же, как естественные внутренние моря, существовавшие в этом районе в доисторический период», и привлекло «несколько сотен видов птиц – больше, чем где-либо в Северной Америке», сформировав тем самым уникальную экосистему [21, p. 563].

Примеры, отмеченные Р. Уайтом, далеко не уникальны в американской историографии истории окружающей среды. Так, опубликованная в 1994 г. в журнале *Environmental History* статья Крэйга Колтена посвящена изучению практики утилизации химических отходов, формировавших «токсичный ландшафт» (см. [22]). Для подобных работ может быть характерно рассмотрение изменений ландшафтов с точки зрения различных дискурсов. Так, например, сравнению манипуляций с окружающей средой, проводившихся индейцами и испанцами в долине р. Санта-Крус, посвящена статья Майкла Логана, в которой автор рассматривает проблему гибридного ландшафта в рамках постколониального дискурса (см. [23]).

Если же обратиться к анализу ценностных ориентаций в рамках истории окружающей среды, то обозначенный аспект особенно отчетливо проявляется в работах, посвященных вопросам экологической справедливости, экологической этики, взглядов различных категорий общества на дикую местность. Р. Уайт, описывая исследование Линды Нэш, посвященное р. Скагит, справедливо отмечает, что в работе представлено изучение «клубка дискурсов» [21, p. 558]. Анализ поднятых в рамках «культурного поворота» проблем с позиции различных дискурсов – это, пожалуй, одна из особенностей изменений, произошедших в американской историографии *environmental history* в 90-х годах XX в. «Культурный поворот» оказал значительное влияние на развитие

и городской истории окружающей среды, что подчеркнул один из апологетов этого направления М.В. Милоси. Он отмечал, что произошедшие изменения следует называть «поворотом», а не «перенаправлением» [24, р. 148]. «В различных исследованиях рассматриваются не только предоставление услуг городским жителям, но и распределение политической власти, осуществление ритуальных и религиозных практик в общественном пространстве», — отмечает ученый [24, р. 148]. Также М.В. Милоси акцентирует внимание на следующем: исследования в рамках «культурного поворота» направлены на изучение культурных изменений, «включая вопросы о том, как социальная и экологическая справедливость может влиять на развитие и контроль инфраструктуры» [24, р. 148]. Думается, ярким примером подобного исследования является апрельский выпуск журнала *Environmental History* за 2000 г., магистральной темой которого становится изучение проблемы экологической справедливости в американских городах. В статьях выпуска подняты вопросы влияния загрязнения городской среды на различные слои общества. В рамках этих исследований историки обращались к традиционным для культурной истории категориям — гендер, класс, раса. Так, например, работа А. Гульотты посвящена вопросам экологической несправедливости в Питтсбурге в 1868–1914 гг. (см. [25]). Гарольд Л. Платт акцентирует внимание на взаимодействии между различными социальными группами и властью для решения проблем общественного здравоохранения в Чикаго с 90-х годов XIX в. по 30-е годы XX в. (см. [26]). В работах исследователей городской истории окружающей среды отражается еще одно новшество, привнесенное «культурным поворотом» в это направление, — рассмотрение взглядов различных социальных групп на проблемы, связанные с загрязнением городской и промышленной среды. Если раньше в рамках *environmental history* рассматривалась история идей отдельных личностей, то сейчас ученые обратили внимание на вопросы, связанные с формированием взглядов различных групп и категорий населения на решение насущных экологических проблем.

Выводы

Подводя итог исследованию, следует отметить, что «культурный поворот» в исследованиях по истории окружающей среды готовился постепенно с 80-х годов и начал осуществляться с середины 90-х годов XX в. Однако пересмотр основополагающих идей в американской историографии истории окружающей среды, произошедший в это время, был вызван далеко не только поэтапной сменой методологии этого направления под влиянием исследований по культурной географии К.О. Зауэра, А.В. Кросби, работ историков, вышедших в 80-е годы XX в., в рамках постколониального и гендерного дискурсов и, наконец, исследований и провокационной статьи У. Кронона 1996 г. Как и в случае зарождения *environmental history* как направления в целом, немаловажную роль в «культурном повороте» сыграл и социально-политический фактор, в частности акцентирование внимания общественности в США на вопросах нового урбанизма, экологической справедливости, что обеспечило победу на выборах 1994 г. республиканцев, сформировавших, как отметил У. Кронон, «самый антиэкологичный Конгресс в истории США».

Влияние «культурного поворота» на исследования по истории окружающей среды учеными до сих пор оценивается двояко. Некоторые, как, например П. Саттер, в качестве негативной стороны этого явления отмечают необоснованный уход от традиционных для обозначенного направления подходов интеллектуальной истории. Однако Р. Уайт, Д. МакНилл, Р.Д. Дэвэрелл в целом считают, что применение подходов новой культурной истории обогатило *environmental history*. Учитывая, что изучение биографий отдельных личностей, внесших вклад в сохранении дикой природы, продолжается (пусть и не так активно, как, например, в 70-х годах XX в.), можно заключить, что направление развивается в духе синтеза подходов интеллектуальной и культурной истории. Это особенно очевидно на примере такого исследовательского направления, как городская история окружающей среды, ставшего после 90-х годов XX в. актуальным как в Америке, так и в Европе и России. «Культурный поворот» показал американским историкам, что представления различных акторов о дикой природе, влиянии загрязнений на изменения окружающей среды не являются едиными для всех американцев, а могут кардинально различаться у разных групп населения вследствие различных факторов, что, в свою очередь, значительно обогащает методологию и расширяет проблематику исследований истории окружающей среды.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Deverell R.D.* An historiography of environmental history [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/3640656/An_Historiography_of_Environmental_History, свободный.
2. *McNeill J.R.* Observations on the nature and culture of environmental history // *Hist. Theory*. 2003. V. 42, No 4. P. 5–43. <https://doi.org/10.1046/j.1468-2303.2003.00255.x>.
3. *Sutter P.S.* Putting the intellectual back in environmental history // *Mod. Intellect. Hist.* 2021. V. 18, No 2. P. 596–605. <https://doi.org/10.1017/S1479244320000050>.
4. *Locher F., Quenet G.* L'histoire environnementale: origines, enjeux et perspectives d'un nouveau chantier // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2009, T. 56, No 4, P. 7–38. <https://doi.org/10.3917/rhmc.564.0007>.
5. *Безбородов А.Б., Корчинский А.В., Павленко О.В., Шкаренков П.П.* Культурная история как основа исторического образования гуманитариев // *Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения*. 2017. №4/2. С. 300–305.
6. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
7. *Берк П.* Что такое культуральная история? М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 228 с.
8. *Rajan S.R.* Clarence Glacken: Pioneer environmental historian // *Environ. Hist.* 2019. V. 25, No 2. P. 245–267. <https://doi.org/10.3197/096734018X15217309861577>.
9. *Sauer C.O.* The morphology of landscape (1925) // *Land and Life: A Selection from the Writings of Carl Ortwin Sauer* / Ed. by J. Leighly. Berkeley, CA, Los Angeles, CA: Univ. of California Press, 1969. P. 315–350. <https://doi.org/10.1525/9780520309135>.
10. *Sauer C.O.* Seventeenth Century North America. Berkeley, SF: Turtle Isl., 1980. 295 p.
11. *Crosby A.W.* The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. Ser.: Contributions in American Studies. Vol. 2. Westport, CT, London: Praeger, 2003. 284 p.

12. *Nash R.* American environmental history: A new teaching frontier // *Pac. Hist. Rev.* 1972. V. 41, No 3. P. 362–372. <https://doi.org/10.2307/3637864>.
13. *White R.* Introduction: American Indians and the environment // *Environ. Rev.* 1985. V. 9, No 2. P. 101–103. <https://doi.org/10.2307/envrev/9.2.101>.
14. *Norwood V.L.* Heroines of nature: Four women respond to the American landscape // *Environ. Hist. Rev.* 1984. V. 8, No 1. P. 34–56. <https://doi.org/10.2307/3984520>.
15. *Cronon W.* The Trouble with wilderness: Or, getting back to the wrong nature // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 7–28. <https://doi.org/10.2307/3985059>.
16. *Cohen M.P.* Comment: Resistance to wilderness // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 33–42. <https://doi.org/10.2307/3985061>.
17. *Dunlap T.R.* Comment: But what did you go out into the wilderness to see? // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 43–46. <https://doi.org/10.2307/3985062>.
18. *Hays S.P.* Comment: The trouble with Bill Cronon's wilderness // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 29–32. <https://doi.org/10.2307/3985060>.
19. *Cronon W.* The trouble with wilderness: A response // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 47–55. <https://doi.org/10.2307/3985063>.
20. *Worster D.* A Passion for Nature: The Life of John Muir. New York, NY: Oxford Univ. Press, 2008. 535 p.
21. *White R.* From wilderness to hybrid landscapes: The cultural turn in environmental history // *The Historian.* 2004. V. 66, No 3. P. 557–564. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6563.2004.00089.x>.
22. *Colten C.E.* Creating a toxic landscape: Chemical waste disposal policy and practice, 1900–1960 // *Environ. Hist. Rev.* 1994. V. 18, No 1. P. 85–116. <https://doi.org/10.2307/3984746>.
23. *Logan M.F.* Head-cuts and check-dams: Changing patterns of environmental manipulation by the Hohokam and Spanish in the Santa Cruz River valley, 200–1820 // *Environ. Hist.* 1999. V. 4, No 3. P. 405–430. <https://doi.org/10.2307/3985134>.
24. *Melosi M.V.* Urban infrastructure and the cultural turn // *Concepts of Urban-Environmental History* / Ed. by S. Haumann, M. Knoll, D. Mares. Bielefeld: transcript Verlag, 2020. P. 145–154. <https://doi.org/10.14361/9783839443750-010>.
25. *Gugliotta A.* Class, gender, and coal smoke: Gender ideology and environmental injustice in Pittsburgh, 1868–1914 // *Environ. Hist.* 2000. V. 5, No 2. P. 165–193. <https://doi.org/10.2307/3985634>.
26. *Platt H.L.* Jane Addams and the ward boss revisited: Class, politics, and public health in Chicago, 1890–1930 // *Environ. Hist.* 2000. V. 5, No 2. P. 194–222. <https://doi.org/10.2307/3985635>.

Поступила в редакцию 22.01.2024

Принята к публикации 20.03.2024

Кисленко Андрей Олегович, ассистент кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: kisl.95@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.208-222

**The “Cultural Turn” in American Historiography of Environmental History
from the 1980s to the Early 2000s: Causes and Consequences**

A.O. Kislenco

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: kisl.95@yandex.ru

Received January 22, 2024; Accepted March 20, 2024

Abstract

The period since the 1970s has seen a “cultural turn” that affected many areas of historical research. Environmental history is no exception. It emerged in the United States five decades ago and was strongly influenced by intellectual history. However, in the 1990s, the focus of environmental historians gradually shifted towards “new cultural history.” Although foreign historiography has repeatedly acknowledged this shift, the underlying reasons that prompted historians to pursue the new research path remain overlooked. This article seeks to bridge the “gap” in the historiography of human interactions with the natural world over time, an important branch of history. The results of a thorough analysis of the major works written by American historians between the 1970s and 2010s show that the “cultural turn” in the American historiography of environmental history was gradual and included two distinct stages. During the first stage, from the 1980s to the mid-1990s, historians explored the problems of environmental history from the perspectives of postcolonial and gender discourses. The second stage, from the mid-1990s to the present day, was marked by a rethinking of the concept of “wilderness”, as well as an emphasis on a variety of previously unaddressed problems of environmental history.

Keywords: environmental history, intellectual history, cultural history, cultural turn, wilderness, cultural landscape, hybrid landscape, environmental justice

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Deverell R.D. An historiography of environmental history. URL: https://www.academia.edu/3640656/An_Historiography_of_Environmental_History.
2. McNeill J.R. Observations on the nature and culture of environmental history. *History and Theory*, 2003, vol. 42, no. 4, pp. 5–43. <https://doi.org/10.1046/j.1468-2303.2003.00255.x>.
3. Sutter P.S. Putting the intellectual back in environmental history. *Modern Intellectual History*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 596–605. <https://doi.org/10.1017/S1479244320000050>.
4. Locher F., Quenet G. L’histoire environnementale: origines, enjeux et perspectives d’un nouveau chantier. *Revue d’histoire moderne et contemporaine*, 2009, t. 56, no. 4, pp. 7–38. <https://doi.org/10.3917/rhmc.564.0007>. (In French)
5. Bezborodov A.B., Korchinskii A.V., Pavlenko O.V., Shkarenkov P.P. Cultural history as a basis for history education in the humanities. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2017, no. 4/2, pp. 300–305. (In Russian)
6. Repnina L.P. *Kul’turnaya pamyat’ i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural Memory and Problems of Historical Writing (Notes on Historiography)]. Moscow, GU VShE, 2003. 44 p. (In Russian)
7. Burke P. *Chto takoe kul’turnaya istoriya?* [What is Cultural History?]. Moscow, Izd. Dom VShE, 2015. 228 p. (In Russian)

8. Rajan S.R. Clarence Glacken: Pioneer environmental historian. *Environment and History*, 2019, vol. 25, no. 2, pp. 245–267. <https://doi.org/10.3197/096734018X15217309861577>.
9. Sauer C.O. The morphology of landscape (1925). In: Leighly J. (Ed.) *Land and Life: A Selection from the Writings of Carl Ortwin Sauer*. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, Univ. of California Press, 1969, pp. 315–350. <https://doi.org/10.1525/9780520309135>.
10. Sauer C.O. *Seventeenth Century North America*. Berkeley, SF, Turtle Isl., 1980. 295 p.
11. Crosby A.W. *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492*. Ser.: Contributions in American Studies. Vol. 2. Westport, CT, London, Praeger, 2003. 284 p.
12. Nash R. American environmental history: A new teaching frontier. *Pacific Historical Review*, 1972, vol. 41, no. 3, pp. 362–372. <https://doi.org/10.2307/3637864>.
13. White R. Introduction: American Indians and the environment. *Environmental Review*, 1985, vol. 9, no. 2, pp. 101–103. <https://doi.org/10.2307/envrev/9.2.101>.
14. Norwood V.L. Heroines of nature: Four women respond to the American landscape. *Environmental History Review*, 1984, vol. 8, no. 1, pp. 34–56. <https://doi.org/10.2307/3984520>.
15. Cronon W. The trouble with wilderness: Or, getting back to the wrong nature. *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 7–28. <https://doi.org/10.2307/3985059>.
16. Cohen M.P. Comment: Resistance to wilderness. *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 33–42. <https://doi.org/10.2307/3985061>.
17. Dunlap T.R. Comment: But what did you go out into the wilderness to see? *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 43–46. <https://doi.org/10.2307/3985062>.
18. Hays S.P. Comment: The trouble with Bill Cronon's wilderness. *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 29–32. <https://doi.org/10.2307/3985060>.
19. Cronon W. The trouble with wilderness: A response. *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 47–55. <https://doi.org/10.2307/3985063>.
20. Worster D. *A Passion for Nature: The Life of John Muir*. New York, NY, Oxford Univ. Press, 2008. 535 p.
21. White R. From wilderness to hybrid landscapes: The cultural turn in environmental history. *The Historian*, 2004, vol. 66, no. 3, pp. 557–564. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6563.2004.00089.x>.
22. Colten C.E. Creating a toxic landscape: Chemical waste disposal policy and practice, 1900–1960. *Environmental History Review*, 1994, vol. 18, no. 1, pp. 85–116. <https://doi.org/10.2307/3984746>.
23. Logan M.F. Head-cuts and check-dams: Changing patterns of environmental manipulation by the Hohokam and Spanish in the Santa Cruz River valley, 200–1820. *Environmental History*, 1999, vol. 4, no. 3, pp. 405–430. <https://doi.org/10.2307/3985134>.
24. Melosi M.V. Urban infrastructure and the cultural turn. In: Haumann S., Knoll M., Mares D. (Eds.) *Concepts of Urban-Environmental History*. Bielefeld, transcript Verlag, 2020, pp. 145–154. <https://doi.org/10.14361/9783839443750-010>.
25. Gugliotta A. Class, gender, and coal smoke: Gender ideology and environmental injustice in Pittsburgh, 1868–1914. *Environmental History*, 2000, vol. 5, no. 2, pp. 165–193. <https://doi.org/10.2307/3985634>.
26. Platt H.L. Jane Addams and the ward boss revisited: Class, politics, and public health in Chicago, 1890–1930. *Environmental History*, 2000, vol. 5, no. 2, pp. 194–222. <https://doi.org/10.2307/3985635>.

Для цитирования: Кисленко А.О. «Культурный поворот» в американской историографии истории окружающей среды в 80-е годы XX – начале XXI века: причины и последствия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 208–222. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.208-222>.

For citation: Kislenco A.O. The “cultural turn” in American historiography of environmental history from the 1980s to the early 2000s: Causes and consequences. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 208–222. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.208-222>. (In Russian)